

Александр Жарких

Кое-что о птичках

18+

Александр Жарких

Кое-что о птичках

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70431364

SelfPub; 2024

Аннотация

В древнесоветское время, годах так в семидесятых-восьмидесятых, в Москве и других городах одним из культовых заведений по оказанию услуг гражданам были фотоателье. Фото в альбом и на доки граждане большей частью делали именно там. Фотограф обычно обещал детям: "Сейчас вылетит птичка!" Дети замирали и сосредоточенно смотрели в объектив фотоаппарата, который был очень похож на деревянный скворечник. Но птичка не вылетала, ребёнок обижался и плакал. Обижался то ли на птичку, то ли на самого фотографа. Но однажды птичка вылетела. Каким образом? Вот об этом небольшая повесть.

Александр Жарких

Кое-что о птичках

А помните эту птичку, которая непременно должна была вылететь из объектива старого фотоаппарата, действительно чем-то похожее на скворечник. Этот скворечник обычно нелепо возвышался на треноге штатива прямо посреди комнаты фотографа в типичном городском заведении, уныло и по-советски украшенном невыразительной вывеской «ФОТО».

Сколько детских глаз было обмануто ожиданием этой самой птички! Когда фотограф был уже готов запечатлеть юное создание, то этому созданию, беспрерывно ёрзающему на неудобном стуле и отчаянно моргающему, непременно говорилось:

– Так, ну всё! Тихо! Сейчас вон оттуда вылетит птичка. Вон из той круглой дырочки, видишь? Смотри туда!..

«Как?.. Зачем?.. Какая ещё птичка?» – от неожиданности этого сообщения, ребёнок замирал в растерянности с открытыми глазами, до краёв наполненными детским любопытством и остановленными слезами, которые с успехом и запечатлевались почти на всех студийных фотографиях детей того времени.

Конечно, злобная птичка так никогда и не вылетала.

Для расстроенных детей это была одна из первых неправд, которую публично произнесли взрослые. Причём и свои, и чужие взрослые.

В этом был какой-то заговор:

– Она не захотела вылетать, но в следующий раз обязательно вылетит...

– Она вылетела, когда ты моргнул...

– Хорошо, что не вылетела, а то бы обязательно клюнула... Оправданий было много, но подозрений, что тебя, когда ты был этим ребёнком, банально обманули, было ещё больше.

Со временем вера в эту фотографическую птичку как-то переставала. поддерживать детскую память. Потом исчезла и вера в Деда Мороза со Снегурочкой. Затем растущими детьми постепенно приобретались новые веры: в справедливость, в дружбу, в любовь, в счастье... В снежного человека, в НЛО, в Бога – при желании.

А потом, с годами, постепенно разрушались и эти веры. Вообще, веры в жизни каждого повзрослевшего ребёнка становилось всё меньше и меньше. Та самая птичка всё не вылетала и не вылетала.

И такая безверистая жизнь начинала почему-то считаться взрослой жизнью...

Зря всё-таки птичка не вылетала! А теперь я сижу и ностальгически рассматриваю свои детские фотографии. И одна из них – та самая, на которой я застыл с немим вопросом:

«А где же птичка?» И сразу её узнал. Фотографию....

И вдруг нерастраченные запасы той детской подорванной веры дают о себе знать самым замечательным образом:

– А может, птичка всё-таки была? Заболела и не захотела вылетать? Или я ей просто не понравился тогда? Но, сейчас-то... Ну что стоило по-советски обязать этих фотографов завести специально для таких случаев птиц-на-вылет?

Чтоб не травмировали детскую психику, так сказать...

Попытался мысленно представить себе эту птичку, которой не было, но которая должна была быть обязательно.

Такая маленькая... Воробышек? – Нет, это всё-таки не домашняя птица.

Голубь? – Нет, тоже не домашняя. Хотя голубятен было много в те годы.

Ворона? – Нет, такая просто напугала бы.

Да, и все они любят сбиваться в стаи и в одиночку вряд ли выживут.

Нет, тут должно быть что-то другое!

Ну конечно! Это, наверное, должен быть попугай. Причём, лучше попугай говорящий.

Вылетит так важно и скажет:

– Привет, пац-ц-цанчик! Наливай!..

Ну, да. А что ещё может сказать говорящий попугай, долгоживущий у истомлённого советского фотографа?

Лицо ёрзавшего на стуле ребёнка надолго застынет в испуганном недоумении – что, в общем-то, и требовалось. Тут-

то и щёлкай фотографии сколько хочешь. А когда оцепенение спадёт и с родителей ребёнка, можно приглашать следующего.

Так, а кто у нас фотограф?.. Как обычно – темная запортьерная личность, слегка выпивающая и иногда закусывающая, и видимо, тоже страдавшая в детстве от недостатка комнатных птиц в своей неясной пока жизни...

Ну, вот и скажите теперь, чью личность мне дальше раскрывать: попугая или фотографа? Пожалуй, бросим жребий. Так, вот монетка... Бросаем... Ловим... И тут этот хулиган попугай, которого я только ещё вообразил, пикирует прямо на мою раскрывающуюся ладошку и ловко выхватывает блестящую монетку прежде, чем я успеваю рассмотреть в ней «орла» или «решку».

Ладно, он всё равно – «орел», а «решка» – это фотограф. Теперь придётся что-то насочинять про обоих. Оба, по своей беззащитной сути, – клеточные птицы невысокого полёта.

По моим наблюдениям, домашнее зверьё обычно напоминает своих хозяев. В чём причина этого феномена – сказать суверенностью не могу – то ли домашние любимцы мутируют под влиянием биополя и интеллекта хозяина, то ли хозяйка изначально выбирают питомцев, максимально соответствующих их внешности и внутреннему содержанию, то ли работают оба этих фактора. Науке сие неизвестно.

Кроме того, наш потенциальный фотограф науку презирал и высокими материями не заморачивался. Поэтому, ко-

гда в его жизни настал период покоя и относительного советского благополучия, а жена заявила, что для полноты гармонии, царившей в семейном очаге, необходимо завести «котика или ещё какую-нибудь зверушку», он спорить не стал, а втихаря поехал на Птичий рынок.

Спорить не стал, потому что это было накладно для нервной системы. Втихаря – потому, что решил приобрести что-нибудь малогабаритное и не требующее больших затрат ни на приобретение, ни на пропитание – типа беспородного хомячка или черепахи.

На старом Птичьем рынке, как известно, от изобилия всяческой живности глаза разбегались не только у детей, но и у мытых во всех щелоках, зачерствевших сердцем колхозников с соседнего Колхозного рынка, бурно отмечавших в этот день удачные продажи своей и чужой плодовоовощной продукции.

Поэтому присоединившийся к ним каким-то образом наш фотограф чётко помнил, что покупал он точно двух рыжих хомяков умело втёртых ему первой же попавшейся бабушкой, продававшей животных. Но домой он почему-то принёс одного. Причём не хомяка, а говорящего попугая, который ругал его какими-то немыслимыми выражениями на протяжении всей поездки обратно домой.

Фотографу, однако, казалось, что это с ним разговаривает его внутренний голос или «голос совести», как тогда говорили.

В общем, нашему фотографу удалось каким-то непостижимым образом добраться до своей коммуналки в центре города и не оказаться в вырезвителе.

Чтобы представить себе тогдашнюю коммунальную квартиру в центре города, достаточно представить тёмный подъезд старого «доходного» дома постройки позапрошлого века с тёмной лестницей, пропахшей жареным луком и испражнениями простых до незатейливости советских граждан. В самых тёмных местах лестница обросла кошками, которых тогда выгуливали просто за дверь.

На каждой лестничной площадке очень тяжёлые деревянные и металлические двери были украшены гирляндой кнопок звонков. Под некоторыми, на табличках под этими звонками – ещё и по две-три разных фамилии.

Понять, сколько семей обитает за дверью довольно трудно. Проще всего, зайдя в квартиру, пересчитать вывешенные на стене в ряд электросчётчики. Те словно живут своей жизнью ночью, или стоят, или, тихо жужжа, еле крутятся в такт тархтящему за стенкой какой-нибудь комнаты холодильнику. Оживают они лишь утром, когда многочисленные жильцы встают, готовят завтрак и собираются на работу, и вечером, когда те же жильцы возвращаются в свои комнаты.

Жизнь была советская, местами застоявшаяся, затёртая, даже почти Забытая, когда людям казалось, что они просто так живут. На работе они как бы делали вид, что напряжённо работают, а дома они старательно изображали домашнюю

жизнь, обычно со всеми её клиническими подробностями.

У кого-то получалось так жить, у кого-то не очень... Но, в общем, всё шло как-то само собой. Дежавю каждого следующего дня смягчалось какой-то сдавленной неосознанностью дня предыдущего, непонятно зачем прожитого.

По субботам и воскресеньям люди пытались выспаться и держать оборону от проявлений этой до жути повторяющейся каждый день жизни, окапываясь в постели до обеда.

И вот, в одно из таких окопных воскресений, наш фотограф обнаруживает себя лежащим в постели со всеми признаками вчерашнего яростного опьянения, а из клетки, поставленной на шкаф у кровати, прямо на него сыпало шелухой от семечек и что-то ворчало небольшое существо в перьях.

Голова настойчиво болела и с трудом находила место в окружающем пространстве. Фотограф только привстал на кровати и обвел тяжёлым взглядом комнату, как существо с верхней полки вдруг произнесло очеловеченным голосом: – Когда и с какой целью выродились? – Я спр-р-рашиваю!..

И, не дав опешившему фотографу времени для ответа настолько коварный вопрос, продолжало: – Вы родились, товарищи, чтобы строить коммунизм!..

Далее последовало какое-то кряхтенье, видимо, символизирующее бурные аплодисменты, передаваемые через радиоприёмник.

– Это чёй-то? – наконец спросил фотограф у своей жены,

которая спокойно сидела перед трюмо и искала в зеркале ответ на вопрос: «Если я сегодня накрашусь, будет ли это напрасной тратой макияжа?»

– А это ты вчера с рынка привёз, – сказала жена, продолжая свои неубедительные попытки восстановления лица по черепу, то есть макияжа с помощью советской дешёвой косметики.

– А хомяки где?.. Я ж вчера хомяков купил!

– Сам ты – хомяк! Вчера только эту птицу притащил. Она тут такого уже наговорила!.. С утра поёт. Все мои семечки сгрызла... Но я чувствую, что с ней будет весело...

Фотограф, не открывая глаз, застонал и, громко икнув, ощутил где-то в глубинах своего носа кислятину. Ему было хреново, так хреново, что его желудок сжался бы в горошину и изверг всё своё содержимое, если бы не был пуст. Видимо вчера по дороге всё и случилось...

Жадно выпив кружку остывшего чая, схваченную со стола, фотограф наконец-то «доехал» до дома. И домашние мысли сразу прибежали к нему: «Ну, вот! Приехал домой. Всё!.. И живи себе, живи. А жить как – никто, ведь, не говорил... Пушкин в моём возрасте уже два года как умер! А я?.. А Лермонтов?.. А... – Нет, Толстой ещё был жив!.. Значит, и мне можно!?!..»

Пара бутылок пива, пусть даже плохого – могли бы спасти нашегонедоПушкина. Кого бы послать за пивом?..

Посмотрел на жену: «При таком характере могла бы быть

и покрасивее!.. Нет, её не пошлешь...»

Ещё очень хотелось курить.

– Твои сигареты на тумбочке, вставай! Я уйду... – сказала жена, не глядя на него.

– Куда? – не понял фотограф. – Совсем?..– Да это ты – «совсем»! В парикмахерскую, я записана на сегодня повремени...

Жизнь их, утрачивая всяческие вожеления, сводилась постепенно к только осуществлению естественных потребностей. По сути, они уже сами не знали, как им продолжать жизнь и перестали чувствовать время, потому что время стало совсем ненужным.

Они уже почти не пачкали простыни следами взволнованного тела и не стремились достичь каких-то высот в жизни. В них даже не было взаимной душевной лютости, какая бывает у долгоживущих вместе и уже неблизких людей...

А ведь их сексуальная жизнь была когда-то настолько хороша, что после бурного соития некоторые соседи нервно закуривали. И жена фотографа была не раз на седьмом месяце от счастья. Но детей у них так и не случилось. И никакое лечение не помогало. Словно существовал какой-то запрет на деторождение в этой семье. Что-то мешало каждый раз детям здоровыми появляться на свет. Поэтому у жены появилось некое тайное домашнее увлечение которым она и спасалась до поры до времени. О нём узнаете позже...

Соответственно, бездетные муж и жена, проживавшие в

коммунальной квартире, никак не могли рассчитывать на улучшение жилищных условий и увеличение жилплощади за счёт государства. И это тоже как-то удручало.

Жена фотографа ненавидела себя за то, что она яркая, привлекательная, но не настоящая... Это было, наверное, её наказание. За то, что она сильная, слишком сильная для той, какой её привыкли знать окружающие. За то, что в кружащихся зимой хлопьях снега, которые раньше ловила языком и звонко смеялась, она теперь видит только отблески несбывшихся желаний... За то, что теперь у неё есть гордость, но нет счастья.

Фотограф почувствовал, как сознание сжимается от головной боли и однообразия коммунально-семейной жизни, и устремил взгляд к потолку, пытаясь хоть там найти ответы на многие «почему», раздиравшие его голову.

И вот, этот-то расфокусированный взгляд был пойман птицей в клетке на шкафу, и она призналась, глядя фотографу прямо в глаза:

– Как-кая мррраазь!

Есть такие попугаи породы «Жако». Многие про них слышали, но мало кто с ними общался. На вид – они невзрачные, небольшие, всего раза в два-три больше размерами, чем всем известные «Волнистые». Обычно они – светло-серенькие, без особых украшений. Довольно быстро они привыкают к человеческой речи, видимо, принимая ее за один из птичьих диалектов. Поэтому вовремя и к месту применяют

полученные языковые знания.

Одно время их было запрещено ввозить в Советский Союз, однако из Анголы их везли практически все, минуя таможенную особым образом. Для провоза живого груза необходимо, чтобы этот груз вел себя как мёртвый, то есть не трепыхался и вообще прикидывался некондиционной курой гриль.

Способ нашли до гениальности простой: попугаев спаивали аж целой столовой ложкой медицинского спирта, после чего они как минимум на сутки выключались и представляли собой не более чем бессловесное анатомическое пособие по строению птичьей тушки в состоянии анабиоза. Обычно коматозное животное погружалось в контейнер, похожий на тубус для чертежей, в котором просверливались аккуратные дырочки, и в таком состоянии транспортировалось на новое место жительства.

Кто знает, может, в этот раз спирт оказался разбавленный или попугай бывалым, но на таможенном досмотре, когда офицер открыл сумку, тубус для чертежей вдруг затрепыхался, и из него вылез взъерошенный попугай.

– Оп-па! – только и смог сказать таможенник. – Что же это вы, товарищ, незаконный груз провозите?!

Хозяин груза уже собрался было отказываться от груза, но Жако встряхнулся, расправил пёрышки и заорал на весь зал прилёта аэропорта Шереметьево:

– Я русский! Я ру-у-у-ссский! Русский!!!

Паспорт ему не дали, но в страну впустили.

И здесь про попугая, про нашу будущую птичку-на-вылет можно придумать много историй. Но, зачем же придумывать, когда можно просто послушать рассказы вернувшегося вместе с ним из командировки военного советника.

В офицерском общежитии в Луанде наш попугайчик появился из рук своего хозяина маленьким и голеньким птенцом. Офицерам понравилась эта забавная живая игрушка. Они кормили её с рук и всячески приучали к себе и своему распорядку. Уже через год попугай подрос и, хотя так и не научился летать, «службу» знал чётко.

К тому времени Жако уже знал массу русских, английских и португаш (португальско-английский диалект, на нём говорила и говорит основная масса населения Анголы) ругательных слов и всю ими пользовался.

Когда утром его хозяин уходил мыться, Жако выбегал из комнаты и важно шёл по коридору общежития, заглядывая в каждую комнату подряд и комментируя увиденное:

– Как же так? Что за хрень? – вопрошал он, заглядывая в первую комнату – там ещё все спали, что не соответствовало официальному попугайскому распорядку.

– На-а-аадо же! – заключал он и шёл дальше.

– Сми-и-ирнаааа! – орал Жако у входа в другую комнату. В этой комнате находилась берлога старшего среди военных советников в звании генерал-майора, прозванного за глаза «медведем» и известного своим командирским басом,

а также любовью подать хорошенькую такую, чтоб неграм света не взвидеть, команду.

– А? Что?! Где? Блин!!! – ревел по-медвежьи пробуждающийся генерал, потом отворачивался к стенке и бурчал: – Чтоб ты сдох, пернатый!

– Сам дурак! – не оставался в долгу попугай и шёл дальше.

В следующей комнате ещё только продирали глаза переводчики, и к ним Жако обращался на английском буржуйском:

– Fuck you, не так ли, господа?

– Жако! Не зли меня! – непременно обижался кто-нибудь из господ.

– Мая твая не панимаэт! – гордо заявлял попугай и шёл дальше.

Заместителем главного советника, «Медведя», то есть, был полковник «Крокодил» Он обычно к тому времени уже всю бодрствовал, был занят написанием писем на родину и употреблением местного зловердного пива. Его комнатка как раз шла следующей по коридору после комнаты переводчиков. Возле неё Жако обычно задерживался и провозглашал менторским тоном зама по воспитательной работе:

– Опять бухаете, товарищи?! Как можно!

– Не учи меня жить! – отвечал «Крокодил» и протягивал руку к попугаю. Жако важно вышагивал к нему, практически копируя строевой шаг зама по воспитательной работе, потом взбирался на указательный палец «Крокодила», отту-

да прыгивал на письменный стол и назидательно отчитывал:

– Безобр-р-р-азие! Никакого пор-р-ядка! Кругом сплошное пьянство и разврат! Вы так не считаете? – и вопросительно заглядывал полковнику «Крокодилу» в глаза.

– Согласен полностью! – поддерживал «Крокодил» и наливал попугаю пива в блюдечко.

– Ур-р-ра! – провозглашал тост попугай и пил. – Ухххх, спиртяшшка!

Поскольку комната полковника «Крокодила» по коридору была далеко не последняя, и не только «Крокодил» радовался пиву жарким утром – к своему хозяину, бодро выходящему из душа, Жако добирался в состоянии некоторого алкогольного опьянения.

– Эх, вы, сволочи... – грустно говорил хозяин попугая. – Опять напоили. Ну и что мне теперь делать?

– Пошли по бабам! – отвечал попугай, и оба они удалялись похмеляться в свою комнату...

Дело тем временем близилось к «дембелю», и хозяину Жако предстояло отправиться на Родину. Чемоданы собраны, фотографии распечатаны, билеты куплены, джипы до аэропорта заправлены, словом, скоро, всего-то через полсутка она – Родина, холодная и страшно мокрая по сравнению с Луандой. Русский язык повсюду, а не только среди своих. Негров мало. И все они без оружия. Нищета, да не та, другая. Соскучился, в общем.

А как же быть с попугаем?

Почему бы не сделать так, как до этого поступали другие советники? Напоить воина до сна богатырского и провозить прямо в багаже? Однако не тут-то было! По заветам предков, для маленького попугайчика, чтоб хватило на сутки неподвижности, достаточно одной чайной ложки чистого спирта. Если попугай большой – тогда столовой.

Военный совет после употребления допинга постановил, что Жако таки большой. А потому тут же был налит в столовую ложку спирт и предоставлен попугаю.

– Спирртяшшка! – сказал попугай и выпил прямо из ложки. Потом он икнул и неожиданно запел, видимо тщательно готовясь к переселению на новую Родину:

– Ой, мороз, мороз...

– Кажется, мало... – сказал владелец пернатого.

– Не моро-о-озь меня, – удивлённо сообщил Жако.

– Так давай ещё нальём, – предложил генерал.

Налили. Попугай нерешительно потоптался вокруг угощения, кося на него то одним, то другим глазом. Было видно, что выпить ему хочется, но при этом как-то боязно. Наконец, переборов все сомнения, Жако выпил вторую столовую ложку спирта.

– Не мо-рр-озь меня! Моего коня! – сказал он, покачнулся и упал на бок.

– Ну, и слава богу. Щас уложим его в тару да и поедем, мужики, – сказал хозяин птицы и встал из-за стола

.– Пьянь! Кругом одна пьянь, бляха муха, – неожиданно

сказал Жако и пошевелил когтистыми лапами.

Все замерли. Советники молча и сосредоточенно принялись пересчитывать количество спирта в две столовые ложки относительно своих размеров. Пока считали, Жако щелкнул клювом и встал. Воинственно задрав хохолок, он сказал:

– Гулять, так гулять! Гусар-р-ры! Шампанского коню!

– Обалдеть! Сейчас ещё буянить начнёт, – сказал один из переводчиков.

– Силён бродяга, – пробормотал генерал.

– Ну, сволочи! – вскипел хозяин попугая. – Спойли всё-таки птицу мне! Ну, я вам устрою!

– Да ладно, не кричи, не спойли, а натренировали. А то, с непривычки бы, наоборот, ласты мог склеить, точнее, крылья.

– Да? И что мне теперь делать?

– Во-первых, успокоиться, а во-вторых, налить ещё. Просто твой Жако оказался матёрым. В холода точно не помрёт теперь!

После третьей – попугая действительно сморило в мертвецки пьяный сон, и его упаковали в багаж. Перелета он, естественно, не заметил, поскольку дрых до самого конца путешествия и пришёл в себя только на таможне.

Вернувшийся домой военный советник сразу же приготовил блюдечко пива: – Ну как, Жакошка? Голова не болит?

Попугай встрепенулся, поднял хохолок и сказал:

– Холодно, блин! – потом подошёл к блюдечку и опохме-

лился. Видимо, по старым дрожжам опьянение вернулось, и он уже самостоятельно, пошёл к тубусу, в котором путешествовал, где и улёгся с комфортом.

– Пряма, как ты, – сердито заметила жена хозяина, наблюдавшая всю эту несколько сюрреалистическую картину от начала и до конца.

– Пидар-р-расы! – уверенно выкрикнул Жако и уснул.

– Точно, как ты! – убеждённо сказала жена.

Рядом всё так же текла жизнь, ничего не нарушалось – со скоростью болотной черепахи бежало советское время. Бежало во все стороны. Но, почему-то, не вперёд...

На Родине жизнь военного пенсионера, видимо, не слишком понравилась бывшему военному советнику. Его военные советы стали никому не нужны. И он стал советником своего попугая. И его собутыльником. Оба души не чаяли друг в друге. Причём у попугая оказалась действительно широкая душа, романтический характер и глубокий наблюдательный ум. Правда, иногда он страдал приступами меланхолии и отпускал язвительные шуточки. Словом, Жако оказался настоящим русским.

Вместе с советником они ходили в магазин за пивом и водкой. Вместе пели магазинские народные песни под одобрительные возгласы околوماгазинной общественности. В этих же кругах общественности попугай быстро стал знаменитым. Его любили и уважали. Но так продолжалось недолго. Сказалась разница в возрасте. Советник начал быстро

стареть и часто болел. И вскоре он окончательно спился и окончательно умер, павший в неравной борьбе с советской действительностью, скоропостижно завербовавшись в «подземные войска». Тоже, наверное, «советником»...

А молодой попугай Жако остался. Он очень тяжело переживал потерю своего друга-советника. Стал ещё более меланхоличен и часто повторял в задумчивости: «А кто мы?.. Всё! Всё!.. Пора успокоиться. На красивую жизнь можно надеяться, но не стоит рассчитывать... Ну, будьте человеком!.. Дайте выпить мужику!..»

Вдова советника после смерти мужа стала видеть в очеловеченном и сильно пьющем попугае, оставшемся без своего друга и хозяина, непосредственную угрозу разумной жизни. По крайней мере, в её собственной квартире.

Поэтому давно и преданно не полюбившая попугая женщина подарила его вместе с клеткой и рассказами о том, какой он умный и говорливый, в «живой уголок» при одной из школ, умышленно не сообщив о его пагубной страсти к спиртному и нелицеприятным высказываниям.

После того, как Жако мужественно адаптировался к новой непривычной обстановке, он научил половину учеников младших классов таким изошрённым ругательствам на русском и английском языках, что возмущённые познаниями своих чад родители стали с гневом требовать у директора школы, чтобы тот избавил уважаемое учебное заведение от «заморского хулигана».

Но директор решил воспользоваться ситуацией и попросил родительский комитет в очередной раз организовать среди родителей сбор денег «на приобретение учебных пособий», а то заморская птица останется в школе на неопределённое время.

Однако время оказалось очень даже определённым. И определил его всё тот же директор: «Чтоб завтра же этого «чуда в перьях» я здесь не видел!».

А случилось это после очной ставки попугая с директором, на которой попугаю хватило всего нескольких мгновений, чтобы удивительно метко охарактеризовать директора:

– Привет, придурок, сволочь, сука! – сказал Жако и демонстративно начал серить.

Но и до этого уже вся школа знала, что попугай не только ругается, но и ведёт себя как-то странно: кусочки яблок и груш, которые ему среди прочего приносили посетители школьного «живого уголка», тщательно пережёвывались, и образовавшийся мякиш сбрасывался в поилку с водой. После чего попугай терпеливо ждал несколько дней, пока всё содержимое поилки не забродит. И, только когда бражка была готова, начинал активно пить. Потом набычивался, перья на холке вставали дыбом, и начинал голосить так, что дети младших классов начинали плакать, а кое-кто даже пускал жидким в трусики. Крики пьяного попугая явно были скопированы со звуков, издаваемых африканскими бабуинами перед боем или спариванием.

А в последнее время было замечено, что в брагу попугай стал добавлять кору и щепки. Понимающие стали говорить: – Коньяк готовит!..

Уже на следующий день Жако оказался на Птичьем рынке с помощью школьного завхоза.

А добросердечные колхозники, с которыми наш фотограф отмечал приобретение хомяков, не восприняли всерьёз его покупку и вручили ему напоследок клетку с попугаем, так убедительно говорившим, что он – «свой».

Каждый бы, наверное, с испугу закричал, что он «свой», если бы увидел тянущиеся прямо к тебе огромные колхозные ручищи, пахнущие соляжкой и дешёвым табаком, и трясущиеся в каком-то непонятном вожделении.

Даже наш бывалый и хулиганистый попугай поспешил признаться, что в прошлом он – наверное, тоже колхозник, за что и попал в клетку. Выручай своих!

И вот этот-то приспособленец Жако станет у нас пробоваться на роль «птички-на-вылет» у нашего районного фотографа. Вернее, он ещё не знал, что будет проходить кастинг. Впрочем, фотограф этого тоже ещё не знал.

Но, скоро узнает. Ведь талант, как известно, не пропьёшь...

Итак, представитель заморской фауны с очень русским характером и нелёгкой судьбой метко и ёмко охарактеризовал состояние нашего фотографа после его пробуждения:

– Мрррраазь! – заорала экзотическая птица – Какккая

мррраззь!!!

– Слышь, петух, ты это, базар фильтруй, – растерялся фотограф от столь неожиданного и, главное, необоснованного, как ему казалось, наезда.

– По-моему, вы найдёте общий язык, – убежденно сказала перед своим уходом жена и захлопнула дверь в комнату.

– А, по-моему, фигня какая-то, – наглое пернатое абсолютно не соответствовало представлениям фотографа о домашнем любимце.

– Соссаать!!! – вновь раздалось из клетки.

– Сам соси, павлин плюшевый! Я тебе клюв обломаю, если наезжать будешь!

– Подрррочи, мррраззь! – не унимался хамоватый обитатель клетки.

– Щас ты сам у меня подроочишь, чучело пернатое! – фотограф не на шутку рассвирепел и, схватив клетку, потащил к балкону с явным намерением отправить её вместе с обитателем в неконтролируемый полёт с двенадцатого этажа.

– Если ты его хоть пальцем тронешь – мы разводимся! – неожиданно бросилась на защиту попугая жена, которая за чем-то вернулась.

– Пррррелесь! – поддержали её из клетки. И фотограф понял, что проиграл. К такому резкому разрыву семейных отношений он ещё не был готов. «И чем только угодил ей этот недобрый обитатель небольшого зарешеченного пространства? Недаром говорят, что женщина никогда не знает, чего

она хочет, но не успокоится, пока этого не добьётся».

После всего этого попугай, как ни странно, занял примирительную позицию и поселил в утреннем воздухе фразу, которая в дальнейшем имела обыкновение часто повторяться:

– Будь ддрругом, сбегай за пивом... Поговорим как мужжжики!

Удивительно, но разговор после пива у фотографа с попугаем действительно состоялся. Оба высказали друг другу немало претензий. Но, в целом, остались вполне довольны собой.

Если хочешь достичь домашнего уюта в коммунальной квартире, то необходимо превратить всю остальную территорию квартиры как бы в прихожую перед твоей комнатой, а кухню, ванную и уборную отвоевать хотя бы на некоторое время у народов, населяющих другие комнаты квартиры. И такие захватнические войны постоянно велись и ведутся ещё в мире, жестоко поделённом по коммунальному принципу.

При этом, во время перемирий случались и преферанс по субботам, и околотелевизионная футбольная болтовня, и такое же обсуждение очередных сериалов, которым предавались якобы мирные жители, а на самом деле – полуживые покупатели валидола с глупыми враждебными лицами камикадзе.

Они когда-то оккупировали жилые дома сталинского типа и доходные дома дореволюционной эпохи, поселив в тёмных подъездах предчувствие нелюбви и поножовщины, а в

самих коммунальных пустотах желание ругаться и жить всегда наоборот.

И вся эта обшарпанная многокомнатная реальность постепенно заполнялась такими же спивающимися разночинцами, как наш фотограф. Поэтому занос в квартиру очередных горячительных напитков здесь расценивался как подвоз боеприпасов.

Здесь всегда чего-то ждали: то ли вестей от Бога, в которого почти не верили, то ли нелепой решимости кого-то из соседей к убийству всех остальных, то ли внезапного наступления коммунизма, о котором будет объявлено по радио и телевидению. Словом, потакали какой-то невыразимой неосмысленности существования.

Здесь как-то не осознавалось, что такая жизнь превращается в одну большую, очень медленную попытку самоубийства.

И неудивительно, что появление говорящего попугая в одной из комнат коммунального театра военных действий, поначалу было расценено как прибытие давно обещанных подкреплений к одной из воюющих сторон.

Но, наш Жако на удивление быстро освоился в окружающей его обстановке и уже через несколько недель важно вышагивал по коридору, по пути на общую кухню, заглядывая в комнаты к соседям фотографа, предварительно перезнакомившись со всем заинтересованным и не очень заинтересованным коммунальным населением.

Благодаря жене фотографа попугай пользовался практически неограниченной свободой передвижения – в клетке он только ночевал.

Поэтому в квартире он обычно выполнял роль своеобразного парламентаря, заигрывая почти со всеми враждующими сторонами.

Его полюбили за мудрость суждений и простоту общения, хотя он мог иногда и поупражняться в пилотировании собственной пернатой тушки. Мог, например, неожиданно спикировать на кого-нибудь и клюнуть несильно в плечо или затылок. А мог незаметно нагадить кому-то из соседей в кофе или в кастрюлю с супом...

Может быть, он вспоминал свою боевую юность, и коридор коммуналки напоминал ему коридор офицерского общежития? Может быть, ему казалось, что за какой-нибудь из дверей он снова увидит военных советников, генерала и своего бывшего хозяина?.. А напряжённость обстановки в квартире напоминала о давно забытом театре военных действий?..

В этот период своей бурной жизни попугай как-то преобразился: стал меньше пить и больше философствовать.

Нет – наливали ему и здесь, довольно быстро узнав о его пристрастиях. Но для каждого из соседей он находил свой подход и нужные слова.

Только слова эти были уже совсем другими, не теми, которыми он когда-то разговаривал в офицерском общежитии.

Они были с каким-то грустно-философским опенком. Это были слова пожившего уже человека. Заматеревшего, прошедшего огонь, воду и Птичий рынок.

При этом свой традиционный обход квартиры он совершал уже утром, а вечером, после окончания трудового дня, когда можно было подловить на расслабленности и утомлённости почти всех постояльцев.

А ещё, оказалось, что за время пребывания в России он постоянно работал над своим произношением, постепенно избавляясь от южно-ангольского акцента с примесью звуков из диких джунглей. Лишь оставшаяся лёгкая картавость придавала его речам шарм обрусевшего иностранца.

Останавливаясь у двери, за которой вела одинокий образ жизни немолодая и не слишком красивая сотрудница «Мосгорсправки», попугай обычно говорил голосом вполне уверенного в себе мужчины, голосом, в котором любая женщина могла бы угадать военную выправку говорившего:

– Мадам, откройте!.. Я тут мимо прррроходил, а у вас в за-мочной скважине свет горррит, и слышно, как кто-то «Ин-тернасьонал» танцует. Мадам, давайте станцуем вместе и сольёмся в мировом экстазе!..

Женщина приоткрывала дверь, и попугай мгновенно проникал в комнату, направляясь прямо к ней:

– Мадам, разрешите поцеловать ручку?!.. О, мадам!..

Женщина молча вытягивала пухлую руку, и Жако слегка ударял клювом в тыльную сторону ладони, внимательно за-

глядывая в женские глаза. Другая рука женщины уже подносила попугаю заранее приготовленный кусочек шоколада.

Запивать шоколад тот отправлялся уже в другую комнату. И там с порога говорил совершенно другим, отчётливо национальным голосом:

– Абрррам Борррисович, положите трррубку! Ваша тётя вАмерррике всё равно ещё спит. А КГБ – таки нет... Я вас уверрряю,Абрррам Борррисович!

– Ну, ты – поц, Жакошка!

– Откликнемся на окружающее, – парировал попугай, – и быстро выпьем!

– Так, если бы у старого еврея Абрама каждый день БЫЛО, стал бы он звонить в Америку?!

– Абрррам Борррисович, в нашем с вами возрасте..., – начинал было попугай.

– Да-да, так всегда: кушать есть чего, а жизнь не складывается! – перебил его Абрам Борисович. – Но ты таки поц, Жакошка!

И тогда из потаённых глубин огромного серванта извлекался затаившийся там сосуд с прозрачной общеизвестной жидкостью, подносился к экономному источнику света – тусклой лампочке под потолком, и на глаз определялся жидкий эквивалент гонорара засегодняшнее выступление попугая.

Если тому казалось, что накапано в блюдце слишком мало, то африканская птица никогда не стеснялась с русской

откровенностью высказаться по этому поводу:

– Вы очень непорррядочны в сrrрредствах!..

Абрам Борисович накапывал еще немного, обыкновенно не преминув заметить, что достойный представитель пернатых непорядочен в методах.

Водка усваивалась обоими тихо, торжественно и, в целом, благополучно.

Человеку необходимо любить кого-то без оглядки. А без оглядки можно любить только детей и домашних животных. Поскольку в этой конкретной коммунальной квартире каким-то непостижимым образом детей не было и не предвиделось, а из домашних животных прижился только наш попугай, то и любили только его. Все остальные друг друга терпели или ненавидели.

Мощный интеллект и знание человеческой психологии, приобретённые в результате длительного и тесного контакта с людьми, позволили попугаю стать тем редким объектом всеобщего внимания, который на самом деле объединял советских коммунальных разночинцев в единую псевдосемью.

Некоторым даже казалось, что когда в их незапертой комнате внезапно появлялась эта птица, то в их заскорузлую душу врвался свежий ветер. Ветер из каких-то дальних стран и какого-то глубоко затаённого внутреннего пространства. Повседневная жизнь забывалась так, что ночь слипалась с днём, а утро с вечером...

Правда, в самом начале своей коммунальной карьеры,

попугай пугал всех своей неопровержимой осведомлённостью и непомерным словарным запасом. Было непонятно, из каких источников ников он набирается своих недюжинных знаний. Потом обратили внимание на то, как он старательно прислушивается ко всем включённым в квартире радиоприёмникам и телевизорам, ко всем разговорам по телефону, который стоял в коридоре на тумбочке, и являлся таким же предметом общего пользования, как общий туалет и ванная.

Всё это немало способствовало почти энциклопедическому образованию попугая и его несколько театральным манерам.

Добираясь в конце своего похода по коридору до общей кухни, уставленной несколькими плитами и несколькими кухонными столиками, с немыслимым количеством кастрюль и сковородок, изрядно захмелевший попугай непременно снимал пробу с приготавливаемых там блюд. Это допускалось только потому, что считалось практически неизбежным. Ибо в противном случае недопущенный к дегустации гурман мог впоследствии испортить любое блюдо.

Никогда не исчезающие запахи жареного лука и чего-то кислого одновременно вызывали отвращение и аппетит. У кого-то сначала отвращение, потом аппетит. А у кого-то наоборот: сначала аппетит, потом – отвращение.

Женщины в распашных халатах, сиськи – в борще, ноги – в целлюлите. Накачанное кислым воздухом, жёсткие пятнадцать с половиной метров общей кухни обычно возбужда-

ли. Что-то шипело и булькало, вокруг завистники – нередко забежавшие под надуманным предлогом на кухню мужчины, нетерпению которых обычно давался яростный отпор. В их животах жалобно умирали только что проглоченные слюни неудовлетворённого аппетита. И, вернувшись в свои захламлённые чертоги, разновозрастные мужчины через остатки низкокачественного пива восходили к тихим голодным мятюгам.

– Апять инстрррюмент поррртить будишь... Как мальчишькакакой, как камсамолис... – буднично дразнил наш попугай молодого татарина Рашида, который выходил из своей комнаты на кухню под предлогом поточить столовый нож, который из-за мягкости металла быстро затуплялся и даже местами ржавел. Советская бытовая сталь была недолговечна, а молодые девушки обычно расплачивались с ним неясностью отношений. Поэтому выражение его лица всегда было насторожённо-угрюмым.

Что-то пробормотав, татарин картинно замахивался на птицу с ножом и тут же доставал из кармана горсть жареных семечек. Попугай не боялся и тут же пикировал на эту горсть.

Рашид работал в ателье по ремонту одежды и обуви. И было у него какое-то особое, трепетное отношение к остроте ножей и других режущеклолющих предметов, и плохо скрываемое стремление к поддержанию мусульманских традиций, наверное, всё-таки основанных на пристрастии к

острым предметам. Так что, в случае чего...

Наконец, из комнаты фотографа раздался голос жены фотографа:

– Жакошка! Кончай базар, кушать подано!

И, в общем-то, уже вполне сытый и вполне нетрезвый Жакошка несётся по коридору к жене фотографа с единственной целью: очередной раз признаться в любви к ней.

Любил он её не только из благодарности за своё спасение в первый день пребывания в квартире. Взаимная симпатия была очевидна. При ней попугай ограничивал свой репертуар исключительно цензурными выражениями и высоконравственными предложениями.

– К «своей» полетел! – смеялись женщины на кухне.

– Иду, моя прррелесть! – кричал попугай на весь коридор. Едва влетев в комнату, он с порога обещал:

– Дорррогая, хочешь, я помолчу? Поверррь, я никому этого ещё не пррредлагал...

– Нет, ну что ты! – смущалась жена фотографа. – Поешь кашки... И будем ложиться спать

– Я с тобой! – кричал попугай, всё-таки послушно залетая в свою клетку.

– И я с тобой, – говорила жена фотографа, закрывая клетку. Затем она ставила её на шкаф и накрывает большим махровым полотенцем.

– Без меня вам нельзззя... А со мной у вас ничего не выйдет!... – почему-то предостерегали из-под полотенца сонным

голосом. И ещё более сонным голосом:— Умственный трррруд
вррреден... вррреден... Всем спа-ать!

Чтобы понять, о чём он говорил, надо было напрягаться
изо всех сил, а у жены фотографа их в последнее время не
было и не ожидалось. Ноги не держали. Она боялась, что упа-
дёт и умрёт, а пока ещё хотелось плакать и жить...

Скоро придёт фотограф с работы, неохотно поужинает и
час или два будет гладить её по голой и одинокой спине, бу-
дет мять её за попу и грудь, будет дышать ей в лицо слабым
перегаром и наполнять её волосы запахом табака и ооще-
нием напрасно прожитой жизни.

А она, очень жалостливая, голая, тёплая и комфортная,
снова разрешит ему пользоваться своим замужним телом,
спрятав где-то глубоко под рёбрами всю свою боль и тоску,
снова станет обнимать и целовать его, мудро предотвращая
истеричку мужчины среднего возраста.

И всё это потому, что она никак не могла перестать быть
его женой. Его плохой женой...

Рядом всё так же текла жизнь, такими же траекториями
ходили по городу люди, прохожие, и почти не думали о той
жизни, которую они привыкли терпеть, и по этой привычке
всего несколько метров не доходя до чужого горя...

У неё не было детей. Ни своих, ни приёмных. Своих ро-
дильне получалось, а приёмных иметь не разрешали органы
опеки.

Так получилось.

И в то же время, у неё были дети. Много детей...

Альбомы с их фотографиями бережно хранились на открытых полках, которыми, казалось, было увешано всё свободное пространство на стенах, и в многочисленных коробках под кроватью.

По вечерам, перед приходом мужа с работы, она любила просматривать эти альбомы и клеивать новые фотографии, которые он принёс накануне.

На каждого из детей заботливой рукой был заведён большой красивый альбом или маленький альбомчик. На альбомах были названия: «Алёшенька», «Павлик», «Машуня»...

Как такое могло быть? А всё очень просто. Советская сеть бытовых услуг строилась по территориальному принципу и была довольно разрежённой, что предполагало очереди и, даже, давку среди желающих получить эти бытовые услуги.

Поэтому фотографические услуги в то время оказывались считанными фотоателье, которые были загружены с раннего утра до позднего вечера. Одни и те же люди приходили туда целыми семьями, чтобы сделать снимок своего новорождённого ребёнка, потом сделать снимок годовалого чада, потом – когда это чадо пошло в детский садик, потом – когда ребёнок стал первоклассником, потом – октябрёнком, пионером, комсомольцем, выпускником школы, свадебные фотографии... И всем нужны были фотографии на комсомольский билет, на паспорт, на разные документы...

Фотографы не успевали проявлять фотоплёнки и пласти-

ны за один день, брали работу на дом. Ждать готовые фотографии приходилось подолгу.

Вот и у нашего фотографа дома была своя фотопроявочная и печатная лаборатория. В углу комнаты, за шкафом и плотными занавесками, висел красный фонарь, а на столе стоял фотоувеличитель. Рядом были всякие ванночки для проявителя и фиксажа. По полкам были разложены баночки с реактивами, стопки фотобумагии готовые фотографии.

Вот из этих-то фотографий и складывались целые альбомы. Жена фотографа смотрела и легко узнавала среди детских фотографий знакомые лица. Видела, как эти лица выросли с каждым годом. Каждую новую фотографию знакомого лица она просила фотографа напечатать ещё раз – для неё. Или просто отрезала для себя одну, если на листе фотобумаги их было напечатано несколько – для паспорта и других документов обычно печатались по несколько штук сразу – с запасом.

Иногда жена фотографа узнавала эти лица на улице или в транспорте. И тогда, затаив дыхание, она старалась незаметно наблюдать за ними, узнавая, как их зовут, их привычки и увлечения.

О! Она много знала о них. А они о ней ничего.

Фотограф не препятствовал увлечению своей бездетной жены. Для него это была просто какая-то игра. Поначалу он недоверчиво пожимал плечами, когда жена принималась рассказывать потом, что сегодня встретила кого-то из тех,

кого он недавно запечатлел на фотоснимке. Потом он молча стал делать все, о чем его просила женщина: печатал дополнительные фото, увеличивали ретушировал их.

А началось всё с фотографии одного очень красивого мальчика, случайно попавшей на глаза жене фотографа в его домашней лаборатории...

Мальчик был именно таким, каким уже несколько лет она представляла себе своего собственного так и не рождённого сына. Он стоял перед её глазами и снился ночами. Он приходил к ней в её мечтах. Она думала о нём почти всегда. Она назвала его Алёшенька, хотя и узнала потом, что настоящего мальчика с фотографии зовут по-другому. Для неё он – всё равно был Алёшенька... Её Алешенка. Во сне он приходил к ней знакомиться и называл её мамой.

С тех пор жена фотографа внимательно просматривала все фотографии, которые распечатывал муж. И когда она находила Его фотографии, то клеивала их в альбом, который специально завела для этого.

Часто она разговаривала с этими фотографиями, целовала их, придумывала истории про своего Алёшеньку. Конечно, она любила его. Любила той самой материнской любовью, которая не помещалась в её придуманную жизнь и которую не могла подарить своему так и не рождённому ребёнку.

Но любовь её была столь большой, что одного ребёнка для этой любви было мало.

И тогда появились фотографии других понравившихся ей

детей. И – другие альбомы...

Самое удивительное, что в этой схеме отношений в семье мужу отводилась роль мужчины – дети у жены фотографа, как в нормальной семье, появлялись через него, от него и при его невольном участии! И далее мужчина принимал минимальное участие во взрослении детей. Ведь советские мужчины – это были, прежде всего, «люди работы», даже можно сказать, «люди с работы», и очень мало – «люди семьи».

Так что, в каком-то смысле, система ценностей в семье фотографане была нарушена, и его это вполне устраивало.

А сам он к этому времени уже был погружён в совсем другую игру. Да, в ту самую игру, которая, помните, называлась «Сейчас вылетит птичка!»

Как пришла однажды в голову фотографа идея взять с собой на работу клетку с говорящим попугаем – не вполне понятно. Но, раз уж пришла, то пришлось ему с этой идеей и с попугаем изрядно повозиться, чтобы сделать из пьющего, пожившего и не стесняющегося в выражениях попугая ту самую «птичку-на-вы-лет», о которой здесь идёт речь.

Все взаимные обиды давно были забыты. Как собутыльники – они уважали друг друга. А совести у обоих было немного. Скорее, совесть им заменяло по-советски затёртое слово «надо». Надо просыпаться, надо идти на работу, надо идти в магазин, надо выпить...

Но, была в них какая-то стеснительность, что ли. Она их и

роднила. А ещё – постоянное ощущение какой-то вины перед женой и хозяйкой. И это чувство вины оба, по-видимому, принимали за любовь к ней.

И вот, однажды, стеснительному фотографу надоело по многу раз в день обманывать доверчивых детей, которых родители привели к нему фотографироваться, говоря:

– Вот, сейчас оттуда вылетит птичка! Смотри туда!..

Ведь у него дома была настоящая птичка, которая могла бы действительно вылетать, и ему не приходилось бы каждый раз прикрывать отсутствие птички нелепыми оправданиями под ехидные взгляды родителей.

А стеснительному попугаю было трудно отказать другу-фотографу, да и обыкновенное любопытство ещё не вполне покинуло его. Ведь впереди могло ждать знакомство, пусть и мимолётное, со многими интересными людьми...

Он согласился быть у фотографа птичкой-на-вылет, хотя и не совсем понимал, зачем нужно было пугать детей своим внезапным появлением.

Фотографу пришлось изрядно усовершенствовать старый фотоаппарат в деревянном корпусе со вставляемыми в него стеклянными фотопластинами и тёмным гофрированным конусом, на конце которого зияла загадочной чернотой та самая круглая дырочка, своими размерами напоминавшая дырочку в скворечнике, из которой, собственно, и должна была появляться по команде фотографа загадочная птичка.

Дырочкой в конусе фотоаппарата, конечно, был объектив

-стеклянная круглая линза средних размеров. Естественно, что через неё ничто не могло пролететь ни в каком направлении, кроме света и теней.

Но, как известно, «голь на выдумку хитра», и наш фотограф придумал, откуда действительно могла бы вылетать за- таившаяся до поры до времени мудрая птичка.

Сбоку от основного ящика фотоаппарата он прикрепил к нему ещё один ящик с дырочкой и верхней крышкой.

Идея была проста: перед тем, как сделать фотоснимок, в аппарат вставлялась, как обычно, фотопластина, а в ящик сбоку помещался попугай. Там он сидел до тех пор, пока фотограф не нажимал на кнопку. Тогда щёлкал затвор фотоаппарата, производя снимок, а в тёмном ящике с попугаем загоралась красная лампочка, и он, как парашютист из самолета, должен был выпрыгивать через круглое отверстие спереди.

Наш попугай довольно быстро понял, что от него хотят, и на первых порах принялся рьяно исполнять свои «служебные» обязанности в качестве ассистента фотографа. Ему явно нравилось осознавать, что теперь у него есть постоянная работа, к которой он стал относиться со всей серьёзностью.

Казалось, что всё его напускное пьянство и словесная распушенность происходили исключительно из прежнего внутриклеточного и внутрикомнатного безделья и томительности ежедневного существования.

Правда, фотографу пришлось попросить попугая выле-

тать из дырочки строго по определенной траектории, чтобы не попасть в кадр. А попугаю пришлось попросить фотографа убрать нервировавшую его красную лампу из «скворечника». Договорились, что он будет вылетать строго после того, как услышит команду фотографа: «А сейчас вылетит птичка...», и услышит щелчок затвора.

После недолгих уговоров попугай согласился даже вылетать молча и не приставать к детям.

А дети после его эффектного появления бывали растеряны и слегка побаивались странного «фотографического существа». Родители детей бывали удивлены находчивостью фотографа и поражены «простотой идеи» и «качеством его дрессировки».

Благодаря попугаю фотографии получались выразительные и наполненные детскими удивлёнными глазами.

Постепенно слава об удивительном фотографе стала распространяться по городу. Записываться в очередь к нему приходилось теперь за несколько дней и даже недель. Фотоателе регулярно перевыполняло месячный, кварталный и годовой планы. Фотограф получал премии, на которые угощал попугая исключительно после работы.

Жена фотографа сначала воспротивилась межвидовому сотрудничеству двух особей мужского пола. Но, когда увидела, что дети на приносимых мужем домой негативах стали получаться «как живые», с широко распахнутыми глазами, через которые она могла «закачивать» в них свою неистре-

бимиую любовь с ещё большей силой, согласилась с тем, что муж утром забирал на работу клетку с попугаем, а вечером приносил её домой.

Когда фотографировали взрослых, попугаю приходилось дожидаться своей очереди вне клетки. Народ приходил разный. И, ожидая, когда придут дети, наш попугай принялся было забавляться тем, что стал давать вслух меткие характеристики всем, пожелавшим запечатлеть себя на фотобумаге.

Причём делал он это по старой традиции – бескомпромиссно. Например, полковнику, пришедшему фотографироваться в парадном мундире, попугай сказал:

– Смиррна! Равняйсь!.. А тебе, генерррал, хрррен за воротник! – видимо, вспомнил что-то из времён своей службы в Анголе.

К девушкам у него тоже было особое отношение:

– У-ух, шалавы! ~ говорил он, и крутил головой из стороны в сторону. А дамам бальзаковского возраста он говорил такое, после чего тем хотелось немедленно покинуть фотостудию с криками:

– Хам! Я буду жаловаться на вас!.. Я подам в суд на вас!..

И только под угрозой немедленного «увольнения» попугай согласился молча ожидать своего триумфального выхода. На всякий случай фотограф выносил клетку с попугаем от греха подальше – в тёмную проявочную, где попугай на время погружался в подобие сна.

Фотографу завидовали. Некоторые другие фотографы пы-

тались последовать его примеру и тоже завести у себя в ателье птичку-на-вылет. Но у них ничего не получалось – уж больно специфическая птичка для этого требовалась.

Наконец, слухи о необыкновенном успехе районного фотографа докатились до его начальства, которое потребовало немедленно прекратить глупый и идеологически неоправданный эксперимент.

Но фотограф уже и сам стал задумываться над тем чтобы свернуть свой аттракцион. По разным причинам. Во-первых, все это оказалось довольно хлопотным делом: приходилось ежедневно тратить немало сил на очистку деревянного ящика, который напрочь загадил пернатый обитатель в ожидании своих феноменальных «выступлений»; во-вторых, видимо, сам попугай никак не мог смириться со своей бессловесной ролью, и бросивший было пьянствовать птичий экземпляр всё чаще стал появляться во время обеденного перерыва на бутылочно-стаканных задворках фотоателье в безотчётных поисках постоянно интересовавшей его жидкости.

Были и другие причины: фотограф не хотел излишней известности и усиливавшегося пристального внимания к подробностям своей личной жизни со стороны некоторых клиентов, предложений с их стороны устроить эротические фотосессии с продолжением, а также неприятные случаи с другими клиентами и усиление антисанитарного состояния во всем фотоателье и, даже, на подступах к нему.

Однако вскоре произошёл случай, который помог прекра-

тить карьеру птичье-фотографического тандема раз и навсегда.

Дело в том, что скучающая личность принудительно молчащего попугая, не получившая должного общения с клиентами фотоателье, однажды заинтересовалась химическими реактивами, стоявшими в темноте на столике в проявочной комнате фотоателье. И получилось так, что он хватанул чего-то со спиртовым запахом: то ли жидкость для протирки объективов, то ли что-то из винной карты проявителей и фиксажей. Отравился.

Но не умер.

Болезнь длилась примерно неделю, практически не выходя из клетки. Все перья выпали, и оголилась его непропорционально маленькая тушка по отношению к огромному говорящему клюву. Он долго кряхтел и ругался, но выжил.

Во время болезни жена фотографа окружила его беспрецедентной заботой и вниманием. Поила и кормила с рук, читала в слух детские сказки и книжки детских писателей до тех пор, пока он не встал на ноги и не заявил, что «Иван-царевич – дурр-рак!» и что «По щучьему велению и его собственному хотению он больше не пойдет на работу...»

И, поскольку теперь попугай потерял оперение, практически перестал являться птичкой, и не мог летать, то был «уволен» по собственному желанию без записи в трудовой книжке.

Так фотоателье потеряло свою птичку-на-вылет, а комму-

нальная квартира обрадовалась возвращению блудного попугая, пусть и в новом обличи.

Теперь его крохотное тельце бойко семенило по всей квартире на двух проворных лапках, умело уворачиваясь от ног неуклюжих обитателей коммуналки. Новое оперение тоже постепенно начало расти.

Но без последствий для личности попугая отравление и последующий процесс выздоровления не прошли.

У него изменился характер. Куда-то делись его хулиганская весёлость и желание со всеми заигрывать. Он стал более сосредоточен на самом себе, более сдержан в высказываниях и ещё более философичен.

Например, заходя по привычке в еврейскую комнату Абрама Борисовича, полупернатый попугай, казалось, теперь не выпрашивает, а разговаривает сам с собой: – О чём это я хотел спросить вас?.. Так... На это вы всё равно мне не ответите... От этого вы стррадаете так же, как и я... Это – вас не интерресует, как и меня... Об этом – вы тоже ничего не знаете... Об этом я и сам догадался... В общем, спассибо за общение!

И, уже выходя из комнаты в коридор, так и не добившись ничего от старого Абрама, говорил как бы для самого себя: – А над этим ещё стоит подумать!..

Заходя за кусочком шоколада в комнату к работнице «Мосгорсправки», он уже говорил по-простому:

– Мадам, я вам очень сочувствую! – при этом голос его

ужесовсем не напоминал голос уверенного в себе военного. Обеспокоенная его состоянием квартира по-прежнему старалась его подкармливать, опасаясь, что крайне восприимчивый попугай что-нибудь не так поймёт и впоследствии припомнит всем недостаточно участвовавшим в его выздоровлении. Его пайка была увеличена. И он много ел в задумчивости. Много ел и много думал. Но теперь, всё чаще огромное количество поглощённой пищи вступало в химическую реакцию с его богатым внутренним миром и героически рвалось наружу, ослабляя сфинктер... Да, случались незапланированные конфузы прямо в коридоре, которые приходилось старательно ликвидировать жене фотографа.

Попугай терпеливо, как домашняя собака, дожидался её прихода с работы. Придя со смены на телефонной станции, где она проходила пожизненную каторгу, называемую работой, сразу разыскивала попугая и говорила:

– Жакошка, пойдем, посмотрим, что я тебе сейчас покажу!

И шли вместе рассматривать альбомы с фотографиями повзрослевших детей. Видно было, что они очень сдружились. Попугай уже давно всё про неё понял. И сочувствовал, и переживал. Но думал о чём-то о своём.

Их стали всё чаще замечать задумчиво сидящими на подоконниках в комнате и на кухне. Они подолгу смотрели куда-то через оконное стекло. На небо, на улицу, на весь за-

оконный мир.

О чём в такие моменты думала жена фотографа – неизвестно. Известно только, что глаза её после этого становились мокрыми и пронзительными. Соседи уже давно сторонились ее. Со стороны казалось, что на неё набросились сразу все болезни, которые только есть в мире. Она поникла и осунулась. Опасались, что это может оказаться заразным. Даже фотограф старался подольше задерживаться на работе.

А мысли попугая, как всегда, были чисты и прозрачны.

Он словно разочаровался в людях, которые придумали такую жизнь. Он уже знал, что никогда не долетит до родной Африки. Он знал, что эта неверно придуманная страна со всеми своими жителями, с бывшими военными советниками, с фотографами, с их жёнами, с сотрудницами «Мосгорсправки», со всякими начальниками и их детьми – никогда не дойдёт до обещанного всем коммунизма, а погрязнет в сплошной бытовой коммунизменности.

Он знал, что неправильно придуманные люди будут неправильно бесконечно придумывать свою жизнь и будут неправильно жить, совсем не понимая этого...

Мудрый попугай уже совершенно отчётливо понимал, что я совсем неправильно его придумал и зачем-то поместил в древнесоветское время. От этого он загрустил всей отсутствующей роскошью своего оперения и непропорционально большой головой.

Теперь он с нетерпением ждал, когда на нём вырастет это

самое оперение, и он снова сможет летать.

– И тогда, – думал он, очередной раз поглядывая в замутнённое изнутри воспоминаниями, а снаружи – несбыточными мечтами, оконное стекло, – если вот этот голубь ещё раз так близко подлетит к окну, я вылечу ему навстречу, и мы полетим, оживлённо беседуя, прямо в закат, прямо в вечернее зарево, и постепенно из серых станем розовыми, а потом чёрными... Две маленькие точки, две маленькие домашние птицы, не умеющие добывать хлеб воробьиным нахальством. Мы полетим высоко-высоко, на такую высоту, откуда уже не будет видно ни придуманной жизни, ни настоящей...

Компьютеров тогда ещё не было, а жена фотографа уже умудрилась жить какой-то виртуальной любовью к своим фотографическим детям. И несмотря на то, что она даже не пыталась познакомиться с ними в реальной жизни, посчитав такую возможность совершенно недопустимой для себя, всё это не могло кончиться хорошо. Потому что реальная жизнь когда-нибудь обязательно нанесёт коварный свой удар виртуальной.

Фотограф по-прежнему продолжал носить домой заказы на фотографии, продолжая печатать и печатать. А его жена по-прежнему продолжала собирать фотографии для своих альбомов. Она уже знала по фотографиям, что её любимый виртуальный первенец Алёшенька закончил школу и был призван служить в ряды Советской армии. Ей особенно нравились его фотографии в военной форме, которые его ро-

дители принесли в фотоателье, чтобы увеличить. Ему очень шла форма, в ней он был таким мужественным... «Наверное, скоро женится», – подумала она.

Но, когда к ней в руки попала большая фотография её Алёшеньки в чёрной овальной рамке, она всё поняла... Поняла, что это фотография на памятник погибшему сыну. В то время шла война в Афганистане, и кому-то нужно было выполнять свой интернациональный долг. Многие семьи ещё не вполне понимали, что у них есть такие долги. Интернациональный долг – это когда чьему-то сыну, брату или отцу нужно умирать молодыми и очень далеко от дома.

...Если раньше у жены фотографа не было ощущения, что всё в её жизни уже закончилось, и ей казалось, что она и жизни её «детей» просто всё никак не могут пересечься, но обязательно когда-нибудь пересекутся, то теперь она поняла, что вот сейчас жизнь, вернее, смерть её любимого Алёшеньки пересеклась с её жизнью, и что всё уже закончилось.

Не сказав никому ни слова, она не пошла утром на работу и выпустила из клетки попугая. Посмотрела на него какими-то далёкими глазами и подошла к окну. Открыла окно настежь и встала на подоконник. Стояла и смотрела куда-то вверх: на небе было много-много птиц, которые, которые летели куда-то на юг, подальше отсюда.

Раскинув руки в стороны, она наклонилась и закрыла глаза.

...А затем она просто ощутила ногами несколько этажей

холодного воздуха и силу чудовищного удара о землю.

Она лежала на земле и была в сознании и в счастье, ощущая невыносимую боль внизу живота... Мальчик!.. Она уже его видела! Три килограмма, пятьдесят сантиметров... Он приходил к ней знакомиться и улыбался... Такой хорошенький!..

Кое-как вскарабкавшийся на подоконник, недооперившийся попугай посмотрел вниз, туда, где лежало в немыслимой позе то, что ещё недавно было женой фотографа.

Она же совсем не умела летать! – только и сказал попугай. – Но я бы её научил когда-нибудь... – и исчез.

Потому что он был придуманный, а она – настоящая. А может быть, он всё-таки увидел своего голубя через открытое окно... Поэтому он уже не видел, как из груди стремительно умиравшей жены фотографа незаметно вылетела маленькая белая птичка и стала подниматься всё выше и выше, пока не присоединилась к большим белым птицам, которые летают так высоко, что их никто не видит. Их было много, и их никто не придумывал. Они были там всегда. Как те самые птички из фотоаппарата, которых никогдане видно, но ведь они вылетают всегда...